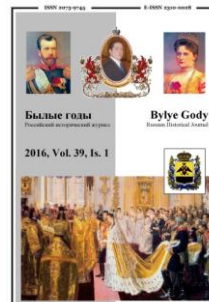

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 14-21, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 7.033 (571.1)

Russia and Islam: state policy on formation of tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917)

Yulia A. Bortnikova ^{a, *}, Olga N. Naumenko ^a, Egor E. Naumenko ^b

^a Dmitry Mendeleev Tobolsk Teacher Institute Branch of the Tyumen State University, Tobolsk, Russian Federation

^b Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract

Counteraction to Islamic extremism is the major problem in the modern world. The government of the Russian Empire solved this problem through purposeful education of confessional tolerance of Muslims in 1773–1917. Authors compare understanding of tolerance in Russia and in Western Siberia in 1773–1917, emphasizing that in the Tyumen region society understood this term the same as now. On the basis of earlier unknown archival documents of the Central historical archive of the Republic of Bashkortostan authors consider a state policy on formation of a certain option of Islam which provides religious tolerance in Russia. In article the main attention is paid to Western Siberia as exactly there the confessional state policy made the greatest success. The main directions of a state policy were: to unify Muslim culture according to orthodox samples; to keep the Siberian option of Islam; to create obstacles for distribution of standard Islam; to develop the state measures which would show respect for Muslims and care of them. Authors consider ways of deformation of Muslim culture in Western Siberia: change of architectural forms of mosques and necropolises, deformation of cult objects (existence of a religious sculpture), selection of literature in Muslim libraries, the facilitated conditions for examinations on the mullah's rank, appointment to positions of muftis without spiritual education in the Orenburg Mohammedan spiritual meeting, creation of obstacles for commission of a hajj to Mecca for mullahs.

Keywords: Islam, Muslims, Russian Empire, Western Siberia, tolerance, Catherine II, Orenburg Mohammedan spiritual meeting, culture.

1. Введение

Миграционная волна мусульман в Европу и серия терактов в Париже осенью 2015 г. начали менять представление цивилизованных обществ о конфессиональной толерантности. Ее основная идея, в европейском понимании позволявшая свободно исповедовать не только все мировые религии, но и любое вероучение, в том числе основанное на искажении первоисточников и их главных постулатов, была поставлена под сомнение. В условиях межконфессиональных противоречий особенно важным является изучение опыта мирного сосуществования мусульман с представителями иных религий, что происходило на территории Западной Сибири в рассматриваемый период.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование выполнено на основе анализа документальных источников, среди которых основными являются: 1) *Фетва, фирманы и циркуляры* Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (ОМДС), хранящиеся в фондах Центрального исторического архива Республики Башкортостан (ЦИА РБ), – это нормативные акты, определяющие основные направления

* Corresponding author

E-mail addresses: soroka-jul@rambler.ru (Yu.A. Bortnikova), oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), rony811@rambler.ru (E.E. Naumenko)

государственной политики. 2) Делопроизводственная документация (отчеты, переписка и др.), показывающая процесс реализации законодательных положений.

2.2. Методология исследования включает теорию модернизации, которая позволила рассмотреть государственную политику поэтапно, в условиях перехода общества от традиционного типа к индустриальному. *Сравнительно-исторический метод* дал возможность выявить общее и особенное в политике формирования толерантности в целом и на территории региона в частности, сравнить политико-идеологические условия, в которых развивались мусульманская и христианская культуры, а также проследить государственную политику в сфере формирования толерантности на каждом из исторических этапов. *Ретроспективный метод* позволил рассмотреть исторические предпосылки формирования рассматриваемого явления. С помощью *метода актуализации* удалось оценить роль и значение государственной политики толерантности для регулирования этно-конфессиональных и культурных процессов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема не получила должного освещения в историографии. Отдельные дореволюционные исследования отражают лишь политику русификации и христианизации мусульман, без понимания глубинных смыслов проводимых преобразований (Фирсов, 1866; Ибрагимов, 1871). Советский период (1917–1991 гг.) также не дал ни одной научной работы непосредственно по теме, так как изучать ислам запрещалось. В 1996 г. была издана монография Д. Д. Азаматова, в которой традиционно рассматривалась политика русификации, а роль Оренбургского магометанского духовного собрания в формировании этно-конфессионального мира осталась незамеченной (Азаматов, 1996); этот же подход характерен для А. Р. Абдрашитовой (Абдрашитова, 2001), что отражает становление национального самосознания татар. Наконец, в 2001 г. вышла монография Ю. М. Антоняна, который впервые в историографии поставил вопрос о необходимости целенаправленного воспитания толерантности российских мусульман. В качестве решения автор предложил в чеченских школах систематически, в обязательном порядке начать изучение веротерпимого варианта ислама, традиционно существовавшего в России на протяжении столетий (Антонян, 2001: 165). С середины 2000-х гг. ислам в России стал сферой более широкого научного интереса. Впервые было замечено, что наибольшей конфессиональной толерантностью обладает его сибирский вариант (Селезнев и др., 2004: 5), что вызвало необходимость более глубокого исследования феномена.

Пробел в историографии пока не закрыт. На настоящий момент имеется единственная статья, посвященная роли Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в становлении веротерпимости, опубликованная Н. В. Крайсманом (Крайсман, 2011) и осветившая лишь некоторые механизмы управления уммой. Между тем, спектр проводимых мероприятий был значительно шире, а воспитание конфессиональной толерантности проводилось не только через ОМДС, – поэтому представленная тема требует дальнейшего исследования.

Цель статьи – рассмотреть государственную политику России в 1773–1917 гг. по воспитанию конфессиональной толерантности мусульман с акцентом на регион, где она имела наибольший эффект – Западную Сибирь.

4. Результаты

Понятие «толерантность» не было однозначным в различные исторические периоды. В Европе уже в Средневековье возникла особая форма отношения к иноверцам, еще не затрагивающая вопросы уважения нехристианских культур, но утверждающая веротерпимость как одну из экономических основ государства. Она была направлена прежде всего на евреев, начавших играть одну из ведущих ролей в торговле и экономическом развитии европейских стран, и вызвала непродолжительный период «золотого века» иудаизма. Предполагалось, что толерантность должна проявляться в системе послаблений и льгот, предоставляемых отдельным группам населения, оказавшегося за пределами католического общества, но при условии, что они несут «благотворную роль» и не представляют угрозы для христианства (Katz, 2008: 29).

В России впервые эта форма толерантности была провозглашена в 1773 г. Екатериной II в «Указе о веротерпимости», что коренным образом изменило положение иноверческих общин. Однако один из регионов России – Западная Сибирь (и особенно юг современной Тюменской области) – был готов к реализации этого Указа лучше остальных, так как толерантность там складывалась исторически, в силу особенностей географического положения региона и традиционной духовной культуры. Уже в XIX в. толерантность начала трактоваться не в средневековом, а в современном варианте: все конфессии и народы равны и имеют одинаковое право на существование и уважение (Науменко и др., 2014: 34). Конечно, этот подход был характерен для сибирского общества, а не для власти и законодателей.

Воспитание конфессиональной толерантности мусульман в условиях Западной Сибири имело ряд благоприятных предпосылок.

Во-первых, исторически этот регион (особенно Тюмень и Тобольск), будучи «воротами в Сибирь», принимал масштабные потоки переселенцев практически со всей европейской части России, которые по большей части оседали здесь же, формируя мультикультурную среду.

Во-вторых, в течение столетий на территории Западной Сибири были основаны сотни татарских и смешанных русско-татарских поселений, некоторые из которых насчитывали сотни лет своей истории (например, селу Чикча в Тюменской области более 500 лет, а селу Ембаево, где проживают представители 21 национальности, более 400 лет), что содействовало закреплению сложившихся представлений о толерантности.

В-третьих, жизнь в татарских поселках проходила в соответствии с «традиционным», или «народным» исламом, основополагающая черта которого – исключительная веротерпимость, религиозный запрет за дискриминацию по конфессиональному признаку (Ислам на краю, 2007: 13). В то время сибирский ислам отличался «творческим осмыслением коранических норм» (в современном смысле – просто незнанием многих положений ислама, их сочетанием с древними шаманскими представлениями). Такой синкретизм стал экспериментальной базой для государственной конфессиональной политики на территории региона.

Воспитание толерантности мусульман в регионе зиждилось на трех «китах» – основополагающих идеях: 1) целенаправленная деформация мусульманской культуры; 2) демонстрация уважения к мусульманам со стороны государственной власти; 3) сохранение и укрепление «народного» ислама. Государственная политика по деформации мусульманской культуры (и искусства) является темой более детального, в том числе искусствоведческого, исследования; она не является целью настоящей статьи и изложена в другой работе авторов, однако можно отметить, что все три направления реализовывались одновременно, дополняя друг друга и усиливая действие каждого в отдельности.

Проявление уважения к мусульманам со стороны государства носило разные формы. При Екатерине II из казны выделялись деньги на строительство мечетей, был введен особый статус мулл: они считались государственными служащими и выполняли задачи национальной безопасности (Абдрашитава, 2001: 52). В 1840-е гг. российская власть серией указов ввела специальные государственные награды с мусульманской символикой (Ногманов, 2011), так как все другие ордена и медали империи содержали образы живых существ, запрещенных в исламе (геральдический орел, православные святые, образы людей), и христианские кресты. Мусульманские медали можно было заслужить, совершив какое-либо деяние (подвиг) на благо Российской империи, или посвятив себя служению людям и укреплению межконфессионального мира и согласия.

В 1906 г. Акмолинский уездный начальник отправил представление о награждении Имама Хатыпа первой Акмолинской Соборной мечети Абдрахима Аюпова-Измайлова медалью с исламской символикой (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.10. Д. 564. Л. 55). В 1907 г. имам Мухамед-Гариф Баймуратов получил такую же медаль, так как около 20 лет «работал в военных госпиталях, ...но наряду с этим также исполнял требы в гражданской больнице, в казармах и тюремном замке» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.10. Д. 564. Л. 17). В 1908 г. ахун Хуснулла Багаутдинов был награжден серебряной медалью, так как «...во время беспорядков действиями своими, разъяснениями на магометанское население объяснял им о необходимости подчиняться властям и о противозаконности их действий, ввиду чего магометанское население нисколько не волновалось в столь тревожное время и вело себя весьма хорошо, каково всецело относится к энергичным и умным действиям означенного муллы» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.10. Д. 564. Л. 64).

Особенностью «народного» ислама было наличие *тумаров* – амулетов для постоянного ношения на груди, которые представляли собой кожаный мешочек с зашитой в него коранической молитвой. Однако каждый волостной старшина региона обязан был носить еще и знак с гербом губернии, а на нем изображался православный крест (БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 1, Л. 4). Этот знак накладывался прямо на *тумар*, находившийся под одеждой, и, по поверьям местных мусульман, снижал его оберегающую силу. В Тобольское губернское правление массово поступали прошения от мусульман освободить их от данной обязанности, и власти шли навстречу, демонстрируя таким образом уважение их к религиозным чувствам.

Заслуживает внимания позиция Тобольского губернского правления и местных архитекторов при разработке и утверждении проектов мечетей. Согласно существовавшим правилам, минарет не мог быть классическим по высоте (не выше православной колокольни), и мусульмане иногда занижали его, боясь ошибиться. Один из таких проектов, созданных местным обществом в 1903 г. для юрт Индерских Тюменского уезда, поступил на согласование архитектору Тобольско-Тюменской епархии лютеранину Г. Г. Цинке, который на несколько метров увеличил высоту небольшого минарета (до максимально допустимого), а губернское правление это исправление утвердило (БГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 524. Л. 2-5). Подобные примеры не являются единичными.

По указу Екатерины II в конце XVIII в. в Тобольской губернии были собраны и зафиксированы в письменном виде правовые обычаи сибирских татар, отраженные в четырех нормативных документах (Бакиева, 2011: 5). Таким образом, произошло оформление норм шариата, причем не навязанных извне, а возникших в регионе и отражающих местные представления о справедливости. С этого момента судьи обязаны были рассматривать споры между мусульманами в соответствии

только с этой правовой системой, не обращаясь к общероссийскому законодательству. Когда иски возникали между русскими и татарами (чаще всего в случае захвата русскими переселенцами земель, отведенных для татарских деревень), они в судах разрешались «по справедливости», то есть всегда в пользу пострадавших татар (Бакиева, 2011: 5).

Такая политика формировала не только конфессиональную толерантность мусульман, но их уважение к государственной власти: они чувствовали себя частью гражданского организма Российской империи. Показательным в этом плане является письмо мусульман юрт Ембаевских Тюменского уезда в государственные органы, когда после революции началась «экспроприация» имущества купцов-односельчан: «Мы же всегда с Россией рука об руку...» (БГУТО ГАСПИТО. Ф. П-1, Оп. 1. Д. 197. Л. 64).

Политика укрепления «народного» ислама проводилась иными методами. В ее реализации основная ставка была сделана на духовных лиц (мулл, имамов, муэдзинов и др.), которые являлись трансляторами информации и знаний, а управленческим органом по решению сложнейшей государственной задачи стало Оренбургское магометанское духовное собрание, учрежденное в 1788 г.

Были разработаны следующие меры: 1) духовные лица должны сдавать экзамен в ОМДС, где акцент делался на знание традиционного ислама; предполагалось, что экзаменаторы также не должны свободно владеть нормативным вариантом религии; 2) создавались препятствия для духовных лиц в совершении хаджа в Мекку и для поступления литературы в мусульманские библиотеки из-за рубежа; 3) мусульманских священнослужителей вынуждали отказываться от обучения за границей (особенно в Египте и Турции, которые рассматривались как «рассадники сепаратизма»).

По Указу от 22 сентября 1788 г. состав ОМДС менялся каждые три года, но главное – отсутствовали требования, чтобы члены Духовного Собрания имели духовное образование (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 22). Предполагалось, что эту должность мог занять любой мусульманин «достойного поведения». Как отмечало ОМДС в 1853 г., все еще нет «закона о том, должны ли быть утверждаемы в сии звания преимущественно муллы, имеющие звания Хатымов или Муттарисов, и при том действительно занимающиеся обучением магометан высшим наукам, как о том ходатайствовало всегда Духовное Собрание» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 22 об.). Наконец, с 1865 г. даже на должности муфтиев (высшая должность в ОМДС) стали назначаться лица без духовного образования.

Одна из задач ОМДС состояла в экзаменовании духовных лиц с выдачей соответствующих документов. В конце XVIII – начале XIX вв. экзамены еще не были обязательными, а сдавались по желанию, чтобы мулла мог перед обществом подтвердить свою квалификацию. Со второй половины XIX в. всех избранных местными обществами имамов обязали проходить испытание в ОМДС, а в конце XIX в. экзамены стали нормой. Любой мусульманин мог пройти испытание, получить документ («Указ»), а затем уже быть распределенным в одну из мечетей. В этот период «указные муллы» в Западной Сибири были уже повсеместно. В частности, по данным на 1886 г. в мечетях Тюменской волости работало 20 духовных лиц, их которых 18 имели «Указы», а остальные два числились временно, до испытания в ОМДС (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.3. Д. 11485. Л. 3–16).

Документы ОМДС не зафиксировали ни одного случая, чтобы приехавший на испытание из Западной Сибири не сдал экзамен. Задача комиссии состояла в том, чтобы определить, на какое духовное звание хватает знаний у претендента. Вердикт обычно гласил: «По испытанию оказался муллою» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 4. Д. 14562. Л. 43), «Оказался быть способным муллою и мугаллином» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 4. Д. 14562. Л. 2), «Показал знания на духовное звание хатыма» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 4. Д. 14562. Л. 3), и прочее. Таким образом, какое-нибудь духовное звание сибирякам было гарантировано по прибытии в ОМДС.

Чтобы муллы не смогли понять, что их представления об исламе значительно отличаются от нормативного варианта, государство создало им массу препятствий для хаджа в Мекку. Циркуляром МВД был установлен следующий порядок: каждый мулла, желающий отправиться в паломничество, вначале должен подать в Губернское правление прошение с двумя наклеенными гербовыми марками по 60 коп. каждая. Затем Губернское правление ходатайствовало перед МВД «об увольнении муллы в заграничный отпуск». Когда разрешение МВД было оформлено, наступала следующая стадия – получение в местных органах полиции свидетельства, что «нет никаких законных препятствий для выезда за границу». Затем необходимо было оплатить пошлину – по 15 руб. за каждые полгода путешествия (в настоящий хадж ходили пешком, поэтому он был длительным). Лишь после этого можно было подать губернатору прошение о выдаче заграничного паспорта, опять заплатив гербовый сбор 60 коп. (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 6. Д. 880. Л. 120). Кроме того, разрешение необходимо было получить и в Оренбургском магометанском духовном собрании. Хотя обычно резолюция ОМДС была стандартная: «Препятствия не встречается» (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.6. Д. 880. Л. 2), – но это была дополнительная затрата сил и времени. Наконец, нужно было найти себе замену в мечети на время хаджа.

Когда все документы были оформлены, Губернское правление уведомляло ОМДС, что мулла получил отпуск, а также сообщало, кто будет руководить приходом вместо него (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп. 6. Д. 880. Л. 2). В условиях этой сложной процедуры муллы нередко ходили в хадж без

разрешения, и губернские власти не знали, где они находятся в течение 6 месяцев, – такие сообщения регулярно поступали в ОМДС. Как результат, Духовное собрание издало фирман, по которому имамы могли отлучаться без разрешения только на две недели (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 97).

Государство внимательно следило за комплектованием мусульманских библиотек. Традиция была начата Екатериной II, при которой Коран был переведен на русский язык, а в арабском варианте переиздавался 5 раз и распространялся бесплатно (Практ, 2009: 94). В тот период далеко не все мусульмане владели русским языком, но перевод был продуманной мерой: так как он осуществлялся не с арабского, а с французского и был изначально искажен, то началось произвольное толкования многих сур. Государству эта практика создала возможность через мусульманский первоисточник проводить любые воспитательные меры.

После Екатерины II политика изменилась: запрещалась бесплатная раздача книг, так как это приравнивалось к миссионерству. Мусульманские книги стали очень дорогими; нижний уровень цены устанавливался государством, что было дополнительным препятствием для их распространения. В частности, Павел I Указом от 21 декабря 1797 г. «О рассылке напечатанного на арабском языке Алкорана для продажи в те губернии, где населены народы магометанского исповедания» установил высокую цену Корана – 6 руб. 5 коп. за экземпляр (ПСЗРИ: 852). Поэтому когда при покупке книг выбор стоял между Кораном и Сунной, предпочтение, естественно, отдавалось первому, и знание Сунны в Западной Сибири оставалось слабым.

Содержание книг также не оставалось без внимания государства, однако отсутствовал запрет, например, на литературу по экономике исламских государств, так как мусульманские и христианские представления были довольно близки в сфере хозяйственной деятельности. Во-первых, запрет *риба* (ссудного процента) в исламе соответствовал политике православного государства в сфере ростовщичества, которое считалось «большим злом». После принятия в 1893 г. закона о ростовщичестве мусульманская литература с обоснованием запрета *риба* оказалась не только допустимой, но и полезной, вполне вписавшись в нравственные постулаты православного государства. Второй принцип экономики ислама – *зьякат* (обязательное пожертвование нуждающимся) – полностью соответствовало христианскому правилу *подати*. Третий принцип исламской экономики – зависимость размера и видов налога от религиозной принадлежности – также соответствовал исторически сложившейся в России практике взимания дополнительного налога с иноверцев. Поэтому наличие исламской литературы по данному вопросу только укрепляло представления мусульман о «справедливом» характере Российского государства.

Для поступления литературы из Турции и Египта непосредственно по исламу создавались препятствия. В частности, когда в 1898 г. Духовное Собрание решило приобрести в Каире «настоящую книгу всех мусульман Востока» – произведение *Фатваэ Индия*, выяснилось, что ее полуподпольная цена, с учетом препятствий в процессе доставки, составляет около 60 руб. за экземпляр (ЦИА РБ Ф. И-295. Оп.11. Д. 101. Л. 116).

Рассмотренные меры во многом были дискриминационными для мусульман, но оказались эффективными для формирования конфессиональной толерантности, что подтверждается следующими многочисленными фактами.

В 1896 г. земский заседатель пытался выселить из татарского села – юрт Токузских Тобольской губернии – семью еврея Янкеля Пейселя, который гармонично сосуществовал с мусульманами на протяжении многих лет, но, по мнению заседателя, «являлся вредным для местного населения по своему мельничному занятию, отсыпая себе «лишние лопатки», то есть брал с помольцев больше установленного». В юртах началось волнение, мусульмане дружно встали на защиту соседа-еврея, обратились в губернское правление с объяснением, что требование выслать Пейселя вызвано «корыстью заседателя», и власти закрыли дело (БГУТО ГА в г. Тобольске, Ф. И-152. Оп. 35. Д. 597. Л. 19).

Второй пример – история строительства Тюменской синагоги. В 1911 г. был торжественно заложен ее фундамент, и на этом мероприятии «было много публики разных вероисповеданий» из мусульман и православных, которые «поздравляли евреев и в этот день пожертвовали 1200 рублей на строительство» (Сибирская торговая газета, 1911: 2). В мае 1918 г. в Тобольском драмтеатре активисты решили поставить пьесу, порочащую Иисуса Христа, что вызвало возмущение иудейской и мусульманской общин города: «Сегодня издеваются над Христом, а завтра над Моисеем и Магометом»; «Посещение такого зрелища, оскорбляющего чувства верующих, совершенно недопустимо» (Солодова, 2013: 82). Общими усилиями христиан, мусульман и иудеев пьеса была исключена из репертуара.

5. Заключение

Рассмотренная государственная политика содействовала формированию в Западной Сибири религиозной толерантности мусульман и других групп иноверцев. До 1990-х гг., пока в регион не двинулся поток религиозных миссионеров из-за рубежа (не только исламских, но и христианских, связанных с деструктивными сектами), Западная Сибирь вообще не знала конфессиональных столкновений. Многочисленные смешанные браки сибирских татар с русскими усиливали межкультурное взаимодействие, создавая еще более комфортную в конфессиональном плане среду

обитания. Между тем, с современной точки зрения воспитательная политика Российской империи являлась нарушением прав мусульман (и других иноверцев) на свободу вероисповедания. В этой связи при использовании исторического опыта необходимо соблюсти баланс, который сочетал бы национальные интересы страны и права личности.

Литература

Азаматов, 1996 – *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа: Гилем, 1996. 194 с.

Абдрашитова, 2001 – *Абдрашитова А. Р.* Оренбургское магометанское духовное собрание как орган управления мусульман в XIX – начале XX веков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2001. № 1. С. 49–53.

Антонян, 2001 – *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Изд-во «Щит М», 2001. 306 с.

Бакиева, 2011 – *Бакиева Т. Г.* Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX вв. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2011. 214 с.

БГУТО ГА в г. Тобольске – Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.

БГУТО ГАСПИТО – Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.

Ислам на краю, 2007 – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири Т.1.: источники и историография / под ред. А. П. Яркова. Тюмень: РИФ «Колесо», 2007. 418 с.

Крайсман, 2011 – *Крайсман Н. В.* Роль Оренбургского магометанского духовного собрания в становлении национальной и конфессиональной толерантности в России // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 24. С. 128–132.

Ногманов, 2011 – *Ногманов А. И.* Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX века (к проблеме периодизации) / Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции 21.12.2011 // [Электронный ресурс] / URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?3717> (дата обращения: 03.09.2014).

Науменко и др., 2014 – *Науменко О. Н., Науменко Е. А.* К вопросу о конфессиональной толерантности на примере истории и национальной психологии еврейских диаспор Тюмени и Тобольска XIX – начала XX веков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–4 (60). С. 34–39.

Прайт, 2009 – *Прайт Д. В.* Изменение официального статуса ислама в России при Екатерине II (1762–1796 гг.): сборник научных работ, посвященный 30-летию юбилею исторического факультета ТГСПА им. Д. И. Менделеева. Тобольск: Изд-во ТГСПА, 2009. С. 66–69.

ПСЗРИ – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание 1-е. 1796–1797 гг. Т. 24. № 18287. СПб., 1830. 565 с.

Селезнев и др., 2004 – *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.

Сибирская торговая газета – Сибирская торговая газета. 1911. 29 июня.

Солодова, 2013 – *Солодова Т. И.* Активизация еврейского населения в послереволюционные годы в Тобольске (по материалам местных газет) / Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Материалы научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 80–85.

Фирсов, 1866 – *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России и в Московском государстве. Казань, 1866. 137 с.

ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан.

Ибраһимов, 1871 – *Ибраһимов Г.* Дәүре Галәм. 1871. / Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 р.

Katz, 2008 – *Katz Dana E.* The Jew in the Art of the Italian Renaissance. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press Philadelphia, 2008. 228 p.

References

Azamatov, 1996 – *Azamatov D. D.* Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII – XIX vv. [The Orenburg Mohammedan spiritual meeting at the end of the XVIII-XIX centuries]. Ufa: Gilem, 1996. 194 p. [in Russian]

Abdrashitova, 2001 – *Abdrashitova A. R.* Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie kak organ upravleniya musul'man v XIX – nachale XX vekov [The Orenburg Mohammedan spiritual meeting as the government of Muslims in XIX – the beginning of the XX centuries] // The Bulletin of the Orenburg state university. 2001. № 1. P. 49–53. [in Russian]

Antonyan, 2001 – *Antonyan Yu. M.* Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugotovno-pravovoe issledovanie [Terrorism. Criminological and criminal and legal research]. M.: Publishing house "Board M", 2001. – 306 p. [in Russian]

Bakiyeva, 2011 – *Bakiyeva T. G.* Obychai i zakon. Ocherki pravovoi kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX vv. [Custom and law. Sketches of legal culture of the Siberian Tatars in XVIII – the beginning of the XX centuries]. Novosibirsk: Publishing house "Geo", 2011. 214 p. [in Russian]

BGUTO GA v g. Tobol'ske – Byudzhetnoe gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [The budgetary public institution of the Tyumen region the State archive in Tobolsk]. [in Russian]

BGUTO GASPITO – Bjudzhetnoe gosudarstvennoe uchrezhdenie Tjumenskoj oblasti Gosudarstvennyi arkhiv social'no-politicheskoi istorii Tjumenskoj oblasti [The Budgetary public institution of the Tyumen region the State archive of socio-political history of the Tyumen region]. [in Russian]

Islam na krayu, 2007 – Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoi Sibiri [Islam at the world's edge. Islam history in Western Siberia]. T.1.: sources and a historiography / under the editorship of A. P. Yarkov. Tyumen: REEF "Wheel", 2007. 418 p. [in Russian]

Kraisman, 2011 – *Kraisman N. V.* Rol' Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya v stanovlenii natsional'noi i konfessional'noi tolerantnosti v Rossii [Role of the Orenburg Mohammedan spiritual meeting in formation of national and confessional tolerance in Russia] // The Bulletin of the Kazan technological university. 2011. № 24. P. 128–132. [in Russian]

Nogmanov, 2011 – *Nogmanov A. I.* Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v Rossii vo vtoroi polovine XVI – nachale XX veka (k probleme periodizatsii) [The state and Islamic relations in Russia in the second half of XVI – the beginning of the XX century (to a periodization problem)] / Islamic tradition: last, real, future. Materials of scientific and practical conference 21.12.2011// [Electronic resource] / URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?3717> (date of the address: 03.09.2014). [in Russian]

Naumenko i dr., 2014 – *Naumenko O. N., Naumenko E. A.* K voprosu o konfessional'noi tolerantnosti na primere istorii i natsional'noi psikhologii evreiskikh diaspor Tyumeni i Tobol'ska XIX – nachala XX vekov [Theme of confessional tolerance on the example of history and national psychology of the Jewish diasporas of Tyumen and Tobolsk XIX – the beginnings of the XX centuries] // The Bulletin of the Kemerovo state university. 2014. № 3–4 (60). P. 34–39. [in Russian]

Prakht, 2009 – *Prakht D. V.* Izmenenie ofitsial'nogo statusa islama v Rossii pri Ekaterine II (1762–1796) [Change of the official status of Islam in Russia at Catherine II (1762-1796)] / The collection of scientific works devoted to 30-year anniversary of department of history of TGSPA of D. I. Mendeleev. Tobolsk: Publishing house of TGSPA, 2009. P. 66–69. [in Russian]

PSZRI 1830 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Full Code of laws of the Russian Empire]. Meeting the 1st. 1796-1797. T. 24. No. 18287. SPb., 1830. – 565 p. [in Russian]

Seleznev i dr., 2004 – *Seleznev A. G., Selezneva I. A.* Sibirskii islam: regional'nyi variant religioznogo sinkretizma [Siberian Islam: regional option of religious syncretism]. Novosibirsk: Publishing house of institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2004. – 72 p. [in Russian]

Sibirskaya torgovaya gazeta – Sibirskaya torgovaya gazeta [Siberian trade newspaper]. 1911. June 29. [in Russian]

Solodova, 2013 – *Solodova T. I.* Aktivizatsiya evreiskogo naseleniya v poslerevolyutsionnye gody v Tobol'ske (po materialam mestnykh gazet) [Activization of the Jewish population in postrevolutionary years in Tobolsk (on materials of local newspapers)] / Jews in sociocultural space of Tyumen and the region: to the 100 anniversary of a city synagogue. Materials of scientific and practical conference. Tyumen: Publishing house of TYuMGU, 2013. P. 80–85. [in Russian]

Firsov, 1866 – *Firsov N. A.* Polozhenie inorodtsev severo-vostochnoi Rossii i v Moskovskom gosudarstve [Position of foreigners of northeast Russia and in the Moscow state]. Kazan, 1866. – 137 p. [in Russian]

TsIA RB – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan [Central historical archive of the Republic of Bashkortostan] [in Russian]

Ибраһимов, 1871 – *Ибраһимов Г.* Дәүре Галәм. [East Star], 1871. / Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 p. [in Tatar]

Katz, 2008 – *Katz Dana E.* The Jew in the Art of the Italian Renaissance. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press Philadelphia, 2008. 228 p.

УДК 94 7.033 (571.1)

Россия и ислам: государственная политика воспитания толерантности западносибирской уммы в 1773–1917 гг.Юлия Александровна Бортникова ^{a, *}, Ольга Николаевна Науменко ^a, Егор Евгеньевич Науменко ^b^a Тобольский педагогический институт им Д. И. Менделеева Филиал Тюменского государственного университета, Тобольск, Российская Федерация^b Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Актуальнейшей научной и гуманитарной проблемой в настоящее время является поиск путей противодействия исламскому экстремизму. Одним из способов решения этой задачи в Российской империи было целенаправленное воспитание конфессиональной толерантности мусульман в 1773–1917 гг. Авторы сравнивают понимание термина «толерантность» в рассматриваемый исторический период в России и в Западной Сибири, подчеркивая, что уже в рассматриваемый период для сибирского общества оно было близко современному звучанию. В статье на основании ранее неизвестных архивных документов Центрального исторического архива Республики Башкортостан рассмотрена государственная политика по формированию в мусульманской умме России определенного варианта ислама, обеспечивающего религиозную терпимость. Основное внимание уделяется реализации этой цели в Западной Сибири, так как именно там государственная политика имела наибольший успех. Ее основными направлениями были следующие меры: унификация мусульманской культуры в соответствии с православными образцами, укрепление сибирского, синкретичного, варианта ислама и создание препятствий для распространения ислама нормативного, выработка мер, которые демонстрировали бы заботу государства о мусульманах и уважение к ним. Авторы рассматривают способы деформации мусульманской культуры в Западной Сибири: изменение архитектурных форм мечетей и некрополей, новая типология предметов культа (в том числе наличие религиозной скульптуры), строгий подбор литературы в мусульманских библиотеках, облегченные условия сдачи экзаменов на звание муллы, отказ утверждать на должности муфтиев в Оренбургском магометанском духовном собрании лиц с соответствующим образованием, создание препятствий для духовных лиц в совершении хаджа в Мекку.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Российская империя, Западная Сибирь, толерантность, веротерпимость, Екатерина II, Оренбургское магометанское духовное собрание, культура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: soroka-jul@rambler.ru (Ю.А. Бортникова), oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), rony811@rambler.ru (Е.Е. Науменко)